

Научная статья
УДК 821.512.15

ДРЕВНЕТЮРКСКАЯ ТЕМА В ЛИТЕРАТУРНОМ ТВОРЧЕСТВЕ АРЖАНА АДАРОВА В СОВЕТСКИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОДЫ

Ай-Тана П. Модорова

*Научно-исследовательский институт алтаистики им.
С. С. Суразакова, Горно-Алтайск, Россия*
aitanamood@gmail.com

Аннотация. В данной статье проведен обзор литературно-художественных произведений алтайского писателя Аржана Адарова, посвященных древнетюркской теме или содержащих небольшие упоминания о древних тюрках, тюркских каганах и каганатах, их наследии. Основной теоретико-методологической рамкой выступили исследования памяти, *memory studies*, позиционирующиеся как мультидисциплинарная область знаний, поскольку актуализация исторической, культурной памяти в литературе (и в любом искусстве) требует включения теоретических разработок разных социогуманитарных направлений. Анализ всего творчества писателя советского и постсоветского периода позволил выявить эволюцию древнетюркской темы, перекликающейся с разными этапами его творческой эволюции в целом: 1) в ранней лирике, в 1950–1960-е гг., в целом прошлое изображалось как тёмное, небезопасное время; 2) с конца 1960-х гг. – усложнение образов прошлого, поиск и переосмысление исторических знаний о своем народе, характерное для всей алтайской литературы; непосредственное обращение к древнетюркскому периоду как части истории алтайского народа в поэме «Тонйукук» (1971); 3) 1990–2000-е гг. – в постсоветский период писатель, обращаясь к памяти о средневековом государстве древних тюрков и образам великих древнетюркских деятелей – Тоньюкука, Кюль-тегина, Бильге-Кагана, стремился показать и, возможно, как-то повлиять на проблемы современного Горного Алтая, а также найти духовные опоры для алтайского народа.

Ключевые слова: алтайская литература, древние тюрки, исследования памяти, историческая память, Аржан Адаров

Для цитирования: Модорова А. П. Древнетюркская тема в литературном творчестве Аржана Адарова в советский и постсоветский периоды //

Азиатские исследования: история и современность. 2026. № 2 (18). С. DOI: 10.63124/2782-6139-2026-2-18-58-78

THE ANCIENT TURKIC THEME IN ARZHAN ADAROV'S LITERARY WORK IN THE SOVIET AND POST-SOVIET PERIODS

Ay-Tana P. Modorova

Scientific research Institute of Altaistics named after S.S. Surazakov, Gorno-Altaysk, Russia, *aitanamood@gmail.com*

Abstract. This article provides an overview of the literary and artistic works of the Altai writer Arzhan Adarov, devoted to the ancient Turkic theme or containing small references to the ancient Turks, Turkic khagans and kaganates, and their heritage. The main theoretical and methodological framework is memory studies, positioned as a multidisciplinary field of knowledge, since the actualization of historical and cultural memory in literature (and in any art) reflects a complex mechanism of group identification processes, for the study of which it is important to include theoretical developments from various socio-humanitarian fields. An analysis of the writer's entire creative work from the Soviet and post-Soviet periods revealed the evolution of the ancient Turkic theme, echoing the stages of his creative evolution.: 1) in the early Poetry, in the 1950s and 1960s, the past was generally portrayed as a dark, unsafe time; 2) since the late 1960s, there has been a complication of images of the past, a search for and reinterpretation of historical knowledge about their people, characteristic of all Altaic literature; direct reference to the ancient Turkic period as part of the history of the Altaic people in the poem "Tonyukuk" (1971); 3) 1990–2000-ies – in the post-Soviet period, the writer, by appealing to the memory of the medieval state of the ancient Turks and to the images of great ancient Turkic figures – Tonyukuk, Kul-tegin, Bilge Kagan, sought to show and, perhaps, somehow influence the problems of modern Gorny Altai, also the writer sought to find spiritual supports for the Altai people.

Keywords: Altai literature, ancient Turks, memory studies, historical memory, Arzhan Adarov

For citation: Modorova, A. P. (2026), "The Ancient Turkic Theme in Arzhan Adarov's Literary Work in the Soviet and Post-Soviet Periods" // Asian Studies: History and Modernity. 2026, no. 2 (18), p. 58–78. DOI: 10.63124/2782-6139-2026-2-18-58-78

Введение

В литературном творчестве алтайского писателя Аржана Адарова (1932–2005) вопросы, касающиеся истории, занимают особое место, а одним из излюбленных исторических периодов можно назвать период тюркских каганатов, особенно VII–VIII вв. – время расцвета и падения Второго

Восточно-тюркского каганата. К этому периоду писатель обращался уже с конца 1960-х гг., и более интенсивно – после распада СССР. Актуализация определенного образа прошлого будь то в литературе, кинематографе, изобразительном искусстве, общественно-политическом дискурсе требует пристального междисциплинарного изучения, поскольку она затрагивает вопросы формирования этноса. Наиболее комплексно изучением образов прошлого, коллективной, культурной, исторической памяти, исторических нарративов, политики памяти, идентичности занимается такое междисциплинарное направление в гуманитарных науках, как *memory studies* или исследования памяти, в рамках которого и выполнено данное исследование. В данной статье мы рассмотрим историческую память о средневековом государстве древних тюрков на протяжении всего творческого пути Аржана Адарова, где под исторической памятью подразумевается «определенный срез (измерение) индивидуальной или коллективной памяти, объектом которой является историческое прошлое» [Романенко 2017, с. 192]. Обращение к памяти о древних тюрках в творчестве Аржана Адарова заставляет задуматься о ряде вопросов: какие образы прошлого создает писатель, насколько эти образы соответствуют государственной политике памяти того времени и насколько отличаются от нее, шире – с какой целью писатель обращается к «прошлому» в разные периоды своего творчества, ведь историческая память о той или иной эпохе не всегда может соответствовать исторической реальности, скорее, актуализация и интерпретация определенных исторических периодов, событий прошлого отражают проблемы и потребности настоящего. Не претендуя на исчерпывающий ответ на поставленные вопросы в рамках одной статьи, все же попытаемся предложить свое видение.

Древнетюркская тема в литературном творчестве Аржана Адарова

Размышляя об истории алтайского народа, в ранний период своего творчества А. Адаров прежде всего обращался к абстрактному древнему прошлому, не обязательно связанному с древнетюркским периодом. Одним из первых стихотворений на такую тематику можно назвать стихотворение об археологических артефактах, раскопанных из курганов древнего населения Горного Алтая *«Кырларынга салкын кожондоп»* («По горам твоим ветер летая...» 1956). Корумдар – с алтайского «курганы» или «курумники» – являются одним из устойчивых символов древнего времени / давнего прошлого в творчестве писателя: *«Кара корумды казып ийерде, / Казыр ойлор ойгонуп келет»*¹ («Когда черные курганы раскопали, / Грозное время проснулось»)². Из древних курганов находят военные артефакты, символизирующие убий-

¹ Адаров В. О. Урсул. Горно-Алтайск: Горно-Алт. кн. изд-во, 1956. С. 61.

² Перевод стихотворений здесь и далее осуществлён автором статьи.

ства и насилие, поэтому прошлое представляется кровавым и жестоким: «*Бу үлдү ле канду саадак*» («Эта сабля и окровавленный лук»); «*Кемге керек курч үлдү, / Канду кастак жаспас ок, / Жиит батырдын өлүми, / Журт ордында кара кок?*»³ («Кому нужна острая сабля, / Железная, меткая, кровавая стрела, / Смерть молодого баатыра, / Черный пепел вместо деревень»). В стихах отражается авторское неприятие войны и насилия, о котором читаем во многих произведениях: «*Каандар учун карындаштар өлүжип, / Акту кандарыла Алтайды будуган*»⁴ («Из-за ханов брат убил брата, / Чистую кровь пролили на Алтае»); «*Женгил кейле сен тынбаган, / Тонокто жаткан сүүген төрөлим!*»⁵ («Ты не дышала свободно, / В разорении была моя любимая родина»).

Изображение кровавого, темного прошлого является основным мотивом в ранней лирике А. О. Адарова на историческую тематику, что соответствовало советской политике памяти, а также эстетике соцреализма. Отражение исторического материала было под строгим надзором цензуры, изображение прошлого допускалось с условием классового подхода в изображении событий прошлого, угнетённого положения народа, бедняков, и положительного образа настоящего при советской власти. «Картина «сегодняшней» борьбы за завтрашнее счастливое будущее требовала, чтобы вчерашний день (дореволюционное прошлое) народов рисовался в черных тонах» [Загидуллина 2025, с. 94]. В некоторых стихотворениях выражается желание разорвать связь с таким прошлым своего народа: «*Мен – алтай калык, / Жүрегимде жыдалар, корголжын октор сорбузы, / Ырызы жоктордын, жаман чактарда өлгөндөрдин тоозы...*»⁶ («Я – алтайский народ, / В сердце моем копья и шрамы от отравленных стрел, / Остаток несчастных, умерших в страшные века»); «*Мен жангы ла жайымга чыккан кулдый. / Мен жайым кижги, / Же күүнимде эмди де кулдын күүни бар. / Канымда эмди де кулдын каны бар. / Онын учун тамырымды үзүп, ол канды агызып турум*»⁷ («Я словно только что освободившийся раб. / Я свободный человек, / Но во мне все еще есть рабская покорность. / В крови моей все еще кровь раба есть. / Поэтому я разрываю свою вену, выпускаю эту кровь»). В стихотворении «*Көчкүндер*» («Кочевники», 1965) Адаров размышляет об алтайском народе как о кочевниках, которые в прошлом были вынуждены скитаться по миру, не привязанные к определённому месту, являвшимися не хозяевами земли, а лишь

³ Адаров В. О. Урсул. Горно-Алтайск: Горно-Алт. кн. изд-во, 1956. С. 61.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Адаров А. О. Келер тандар: (кижи керегинде кожон). Горно-Алтайск: Алтайдын бичиктер чыгарар издательствонун Туулу Алтайдагы бөлүгү, 1965. С. 23.

⁷ Там же, с. 25.

гостями: «*Ак-жарыкта жүк ле айылчыдый жүргенис*»⁸ («На этом свете мы были только гостями»), не имевшими возможности оставить свой след в истории: «*Жерде изис артпады, / Унчукпас корумдар тур калды*»⁹ («Не оставили следа, / Молчаливыми курганами стали»); и лишь с установлением советской власти алтайский и другие народы становятся полновластными хозяевами своей земли: «*Ак жарыкка айылчы эмес, / Ээлер болуп эмди келгенис*»¹⁰ («Теперь не гости мы на этом свете, / Пришли мы стать хозяевами»).

Тему кочевничьей идентичности А. О. Адаров продолжает в поэтическом сборнике «*Көчкүндөр*» («Кочевники», 1966). С одной стороны, кочевники имеют тысячелетнюю историю существования, память о которой осталась в народных песнях и сказаниях. Это впечатляет поэта. Вместе с тем в образе кочевников все еще преобладают негативные представления о кочевом образе жизни, как о нестабильном, опасном времени, без определенного места жительства и постоянного крова. Такой жизни он противопоставляет современное состояние народа, ставшего свободным хозяином своей земли (при СССР): «*Бис тенибер көчкүндөр эмезис, / Жайым төрөлистин ээлери – бис. / Эмди түнзүйип баспазис, түкүрерге бербезис*»¹¹ («Мы не бродяги-кочевники, / Хозяева свободной земли мы. / Теперь мы не будем бродить, склонив голову, не дадим унижать и оплевывать нас»). Здесь прослеживается оппозиция кочевничества и оседлости. В рамках советского дискурса кочевая цивилизация считалась безнадежно «отсталой», «невежественной», которую невозможно советизировать и интегрировать в экономику [Синицын 2019].

В творчестве А. О. Адарова молчаливыми свидетелями исторических событий, разворачивавшихся на Алтае, зачастую становятся горы. С одной стороны, горы, как природный щит, защищали население Алтая: «*Кызалан чактарда / Кыйгылу жуудан / Куйагыс болгон*»¹² («В свирепое время / Военное время / Защитником был»). Такое представление соответствует мифологической картине мира алтайцев: «Священные горы представляются защитниками народа, их образно уподобляют воинам в панцире, броне (*куйак*), а их вершины ассоциируются с их свинцовыми шлемами: *Корголдын башту Чаптыган, / Куйак болуп коругар, / Курчу болуп бычыгар!* ‘Со свинцовой вершиной Чаптыган, / Броней став, защитите! / Защитой став, сотво-

⁸ Адаров А. О. Келер тандар: (кижи керегинде кожон). Горно-Алтайск: Алтайдын бичиктер чыгарар издательствонун Туулу Алтайдагы бөлүгү, 1965. С. 3.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, с. 4.

¹¹ Адаров А. О. Көчкүндөр: үлгерлер. Горно-Алтайск: Алтайдын бичиктер чыгарар издательствонун Туулу Алтайдагы бөлүгү, 1966. С. 15.

¹² Там же, с. 56.

рите!» [Мифологический 2021, с. 240]. Вместе с тем в раннем творчестве А. Адарова горы выступают как изолированное пространство, мешающее всеобщему развитию алтайского народа: «*Je бу кырларыс / Бисти телекейден айрып, / Таи түрмедий / Чактарга турган*»¹³ («Но эти горы / Отрезали нас от мира, / Словно каменная тюрьма, / Веками стояли»). В этом патриотическом стихотворении переделка данного пространства воспринимается в позитивном ключе: «*Чуйдын јолы – Ол бистин салымыс. / Гранит боомдор / Јемире сокконыс. / Кыймык јок чактарды / Өдүн чыкканыс*»¹⁴ («Чуйский тракт – Это наша судьба. / Гранитные бомы / Мы взорвали. / Сквозь века неподвижные / Мы проложили дорогу»). Однако в дальнейшем в творчестве А. Адарова горы будут выступать в основном как одушевленный объект, как хранители памяти, истории: «*Ак туманла баштарын оронуп, / Алтай тайгалар чактарды сананат*»¹⁵ («Окутанные белыми туманами Алтайские горы в думах о прошедших веках»).

В стихотворении «*Таи кижии*» («Каменный человек») каменное изваяние, как и горы, и курумники, олицетворяет собой образ молчаливого свидетеля исторических событий, над которым не властно время. Несмотря на его внешние неподвижность, безжизненность, А. Адаров очеловечивает его, называя каменным *человеком*, поющим о прошлом: «*Таи эриндери ачылып, / Ачу кыйгырып ийгендий. / Өткөн өйлөрдү сананып, / Чөйө кожондоп тургандый*»¹⁶ («Каменными устами / Словно крикнул отчаянно. / Вспоминая прошлое, / Затянул песню»). Каменный человек потерял во времени и пытается вспомнить свое имя: «*Јылыган адын бедрен, / Чөллө тенип баскандый*»¹⁷ («В поиске своего потерянного имени, / Бродит по степи»). Каменное изваяние, стоящее на этом месте более тысячи лет, выступает и хранителем Алтая, и предком алтайцев: «*Бу бистин јебрен өбөкөбис / Курайдын чөлин каруулдайт*»¹⁸ («Древний наш предок / Курайскую степь сторожит»).

Каменные изваяния, распространенные по всему Алтаю, относятся к древнетюркской эпохе и датируются VI–X вв., и не раз станут источником вдохновения в литературном творчестве Аржана Адарова на тему об исторической судьбе алтайского народа. Образы богатырей, воинов, каменных

¹³ Адаров А. О. Көчкүндөр: үлгерлер. Горно-Алтайск: Алтайдын бичиктер чыгарар издательствонун Туулу Алтайдагы бөлүгү, 1966. С. 56.

¹⁴ Там же, с. 57.

¹⁵ Адаров А. О. Өргүлжи сүүштин сызы: үлгерлер. Горно-Алтайск: Алтайдын бичиктер чыгарар издательствонун Туулу Алтайдагы бөлүгү, 1984. С. 77.

¹⁶ Адаров А. О. Көчкүндөр: үлгерлер. Горно-Алтайск: Алтайдын бичиктер чыгарар издательствонун Туулу Алтайдагы бөлүгү, 1966. С. 84.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, с. 85.

изваяний, курумников, гор – все они в творчестве писателя объединяются в единый образ защитников Алтая, хранителей истории.

В 1966 г. в Монголии А. О. Адаров пишет стихотворение «Гоби-Алтай», в котором размышляет об общности истории азиатских, тюрко-монгольских народов. Здесь он впервые упоминает выдающихся политических деятелей Тюркского каганата – Бильге-Кагана и Кюль-тегина, которым позже посвятит историческую поэму (1971 г.) и трагедию (2000 г.). Орхонские памятники древнетюркской письменности, датируемые VIII в., становятся отправной точкой для размышлений о великом прошлом тюркского народа, к потомкам которого он относит и алтайский народ: «*Орхоннын јанында эжиктий таштардан / Угулган үндерди тындап, кайкагам. / Мынан алтай сөстөр угулган*»¹⁹ («Вблизи Орхона каменные двери. / Слышал голоса и дивился / Это была алтайская речь»); «*Алдымда бийик чанкыр ташта / Адалар бичиген сөстөр турган*»²⁰ («Передо мной на высоком синем камне / Высечены слова моих праотцов»). Примечательно, в сносках подписано, что это «древний алтайский язык»²¹, тем самым подчеркивается прямая родственная связь с древними тюрками на основе языковой идентичности. В 1970-е гг. А. Адаров создает ряд стихотворений, посвящённых тюркоязычным поэтам, друзьям, в которых прославляется общая историческая судьба и единое происхождение тюркоязычных народов.

Непосредственно к исторической древнетюркской тематике относится опубликованная в 1971 г. историческая поэма «Тонйукук», в которой реконструированы события 717–734 гг. в Восточно-Тюркском / Втором Тюркском каганате при правлении Бильге-Кагана (Могиляна), военачальника Кюль-тегина и советника Тоньюкука.

Алтайский литературовед Н. М. Киндикова отмечает, что если в 1950–1960-е гг. «тюркские писатели интуитивно почувствовали свое генетическое родство с древними предками, то в 1970-е годы они осознанно обратились к художественному изображению древнетюркских событий» [Киндикова 2004, с. 51–58]. Это произведения Л. Кокышева («Вопрос»), Э. Палкина («Курган»), А. Адарова («Тонйукук»), Б. Укачина («Памятник Тоньюкуку»), Ш. Шатинова («Я – каменное изваяние»), П. Самыка («Любуясь красотой родной земли»), Б. Бедюрова («Каменное изваяние») [Киндикова 2008, с. 42]. По мнению современного антрополога и этнографа С. П. Тюхтеновой, интересу к древней истории в поэзии способствовали популярные исторические

¹⁹ Адаров А. О. Төрөл јеримнин салымы: үлгерлер, поэмалар, элегиялар ла балладалар. Горно-Алтайск: Алтайдын бичиктер чыгарар издательствозын Туулу Алтайдагы бөлүги, 1969. С. 58.

²⁰ Там же, с. 59.

²¹ Там же.

труды Л. Н. Гумилева, О. Сулейменова [Тюхтенева 2011, с. 298], предложившие альтернативу устоявшимся историческим нарративам, продвигаемым советской идеологией, и иную трактовку историческим и культурным аспектам идентичности этноса: «Имена Ашины, Тоньюкука, Кюль-Тегина, материальными воплощением которых на Алтае служат древнетюркские каменные изваяния и курганы, становятся знаками, маркируя один из пластов массового этнического самосознания» [Там же]. Кроме того, в начале 1960-х гг. исследователь алтайского фольклора и литературы С. С. Суразаков отмечал «близость и сходство стиля орхонских надписей и героического эпоса, но не их тождество» [Киндикова 1999, с. 99]. Таким образом, обращение к древнетюркской теме у писателей шло в тандеме с интересом к этой теме в целом в общественно-гуманитарной науке.

Как писал сам А. О. Адаров в предисловии к «Тонйукуку», при ее создании он использовал различные исторические источники. В первую очередь, это тексты памятников рунической письменности VIII в. – памятник Бильге-кагану и памятник Тоньюкуку, возведённые на территории современной Монголии; а также работы советских тюркологов – С. Е. Малова, Л. П. Потапова, и, конечно же, особо он выделил знаменитую работу Л. Н. Гумилева «Древние тюрки», впервые опубликованную в 1967 г. По признанию А. О. Адарова, данный исторический труд произвёл большое впечатление на него, и в своей поэме он продолжает отвечать на вопросы, поставленные Гумилевым в «Древних тюрках», о том, откуда возникли тюрки и почему исчезла великая тюркская империя. Целью написания поэмы «Тонйукук» писатель назвал желание показать великую историю древних тюрков, частью которых является и алтайский народ. Историческое родство с древними тюрками, помимо языковой общности, он обосновывал на отождествлении племён тардушей и телисов, собственно из союза которых состоял Восточно-Тюркский каганат, с двумя распространёнными сеоками/родами современных алтайцев – *Тодош* и *Тёёлс*. В поэме центральный персонаж Тонйукук, выдающийся политический, военный деятель, советник трёх каганов, государственных правителей Второго Тюркского / Восточно-тюркского каганата – Эльтериш-Кагана (Кутлуга), Капаган-кагана (Мочура), Бильге-Кагана (Могиляна), является представителем рода *Тёёлс* (как и сам писатель), а каганская семья – Бильге-каган и Кюль-тегин из рода *Тодош*.

Согласно сюжету поэмы, Тоньюкук находится в политической ссылке на Алтае, как советник бывшего правителя Тюркского каганата Капаган-кагана, свергнутого Куль-Тегинем и Могилянном (Бильге-Каганом), которого затем просят вернуться на службу из-за нестабильного положения каганата. Тонйукук – не только мудрый и тонкий политик, дипломат, но еще и выдающийся военный стратег, а во времена правления Эльтериш-Кагана был силь-

ным, храбрым воином, покорял множество городов и государств. Находясь в ссылке, он размышляет о судьбе каганата, о тюрках. Размышления об исторической судьбе Великой тюркской империи, ее расцвете и падении, становятся основной темой произведения.

Важной составляющей портрета Тоньюкука является его общение с простым народом и мудрыми стариками (*айлаткыш*), что соответствовало принципу народности соцреалистической литературы: его политические решения обоснованы, он непременно прислушивается к настроениям всего народа. Кроме того, в поэме часто включаются эпизодические персонажи из простого народа, критикующие военную политику правителей. В главе «Гоби Алтайда» встречаются три путника – уйгур, басмал, тюрк-тодош, они беседуют о тяжелом положении простых людей, осуждают войну, насилие, чинимое их правителями: «Тегин улуска не керек? – деп, / Терин арчып, уйгур унчугат. – / Мал кабырарга одорлор једер...»²² («Ведь что нужно простому народу? / Вытирая пот с лица, произносит уйгур. – / Для скота пастбищ полно»); «Менин де јоным чактан арыды, / Түреерге јетти – деп, басмал айдат. – / Тегин улуска амыр јадатан / Ый келгей не?»²³ («И мой народ устал от бед, / Почти разорен – промолвил басмал. / Будет ли мир для простого народа?»); «Албатылар амыр ла јатса, Онон ары не керек?»²⁴ («Пусть народы живут в мире, / Что еще надо?»). Включение эпизодических персонажей из простолюдинов, осуждающих деяния каганов, правителей, было необходимостью советской цензуры при создании произведений на историческую тему, так как, согласно идеологическим установкам СССР, восхваление «буржуазного» прошлого запрещалось. К примеру, в 1954 году А. Коптелов критикует не допущенную к публикации пьесу П. Кучияка «Канза-Бий», поскольку в ней выражаются «не стремления алтайского народа, а интересы крупных феодалов. Все, что он делал было на руку врагам алтайского народа» [Вопросы развития алтайского языка 1954, с. 95].

Помимо Тоньюкука в поэме присутствуют такие исторические личности, как Бильге-Каган, правитель тюркского каганата, и его брат, военачальник Куль-тегин. Трем великим тюркам предстоит решить судьбу каганата, поскольку положение Тюркского каганата стало довольно шатким – с одной стороны, восстают покоренные тюрками народы – басмалы, уйгуры, тургеши, с другой стороны, огромную опасность представляет Китай или Танская империя, а в поэме – Табгач. Глава тюрков Бильге-каган изображен спокойным, вдумчивым, почтительным человеком: «Каган болуп бийиркебей

²² Адаров А. О. Тонйукук (поэма). Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1971. С. 83.

²³ Там же, с. 83–84.

²⁴ Там же, с. 85.

*жүрөт. / Карындажы жаар иженип көрөт, / Тонйукук жаар тоомжылу көрөт, / Уккур баладый, унчукпай барат»*²⁵ («Будучи каганом он не возгордился, / С надеждой смотрит на своего брата / С почтением смотрит и на Тонйукука, / Как послушный ребенок, замолкает»), «*Je каганнын үни жымжасак, / Чырайы эрү, сыйы бай*» («Кагана голос мягок, / Приветлив и щедр»); «*Ол санаалу, жалтанбас, төп, / Жакарып та сөстөп те билер. / Онын учун чөлдө амыр, / Эл мыны база билер»*²⁶ («Он умен, храбр и спокоен, / Умеет и приказывать, и уговорить. / Поэтому в степи мирно, / Народ об этом тоже знает»). Его старший брат Куль-тегин предстает более суровым, воинственным: «*Күл-тегиннин чырайы бүрүнкий, / Көзінде соок темир жаркыны»*²⁷ («Кюльтегина лицо хмурое, / В глазах холодный металлический блеск»), «*Көзи отту алып-баатыр»*²⁸ («У богатыря в глазах огонь»).

В поэме тюркским правителям удаётся временно усмирить восставшие народы: «*Түймеерин сүйүтен түмен уктар / Түрк каганга уккур бис дешкен. / Бөрүнинг алтын бажы журалган / Мааны ойто ло оморкоп жайылган»*²⁹ («Восставшие племена / Обещали служить тюркскому кагану. / Золотая голова волка / На знамени снова блестит»). Однако для каганата в изображении А. Адарова главную угрозу составляют *табгачи*, которые не раз подкупали шелками и золотом знать и тем самым постепенно захватывали власть: «*Табгач ла өрө турбаза, / Арткандары неме эмес. / Түймеерин сүйүтен аймактар / Баштарын өрө көдүрбес. / Je Табгачтын алтыны / Эл ортодо нени этпес? / Оштөштин одын күйдүрүп, / Өлүмди канай экелбес?»*³⁰ («Табгач не восстанет, / Остальные не страшны. / Бунтовщики не поднимут головы. / Но золото Табгача / способно на всё / Раздует вражду, / Смерть принесет»). После смерти полководца Кюльтегина и Тоньюкука, державших крепким и нерушимым каганат, Тюркский каганат ослабевает. В последней главе Бильге-Кагана отравляет подкупленный китайским императором Сюаньцзуном тюркский тархан-бий. Далее Восточно-тюркский каганат окончательно уничтожается другими восставшими тюркскими племенами – карлуками: «*Түрктөр бой-бойыла өлүжип, / Түймеген эл чачылат. / Каганнын угы үзүлүп, / Кандаган ширее антарылат. <...> Бөрү*

²⁵ Адаров А. О. Тонйукук (поэма). Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1971. С. 63.

²⁶ Там же, с. 72.

²⁷ Там же, с. 63.

²⁸ Там же, с. 95.

²⁹ Там же, с. 103.

³⁰ Там же, с. 123–124.

баишу маанызы / Бөкөйиң жерге жыгылат»³¹ («Тюрки с друг другом воюют, / Мязежный народ распадается. / Род кагана прерывается, / Кровавый трон разваливается. <...> Знамя с волчьей головой / Пало к земле»). Поэма заканчивается упоминанием курумников, свидетелей истории «*Көк корумдар шымыртын / Кызыл энирде тындайдым*»³² («К шепоту синих скал / Прислушиваюсь темным вечером»).

Таким образом, художественное воспроизведение трагичной истории падения великого Тюркского каганата, вопреки советской идее о безисторичности «малых» народов, А. О. Адаровым вводятся в публичное пространство размышления о непростой, древней истории народа, за что поэт подвергался определённому давлению, судя по заметкам его современников. Так, И. И. Белеков во вступительной статье к специальному изданию трудов Аржана Адарова по древнетюркской тематике «*Эрјине сөс – Сокровенное слово*» пишет следующее: «В 1959 г. Аржан Адаров пишет статью о пазырыкцах, о древних тюрках, считая их предками алтайцев-ойротов. Он выступает против догмы о малочисленных народах, как неисторических, почти первобытных, тем самым в какой-то степени отрицая устоявшееся мнение. Его обвиняют в пантюркизме, национализме, прокитайских настроениях. Драматическую поэму «Тоньюкук» критиковали, писали разносные рецензии и доносы. Адаров едва не оказался за колючей проволокой»³³.

В 1980-е гг. писатель в стихотворениях выражает свои сомнения по поводу достоверности истории: «*История! Сениң изинди / Шиндезем де, чокым билбезим. <...> Чын болгон ончо немени, / Байла, кўн ле ай билер*»³⁴ («История! Твои следы / Сколько бы не изучал, но не могу постигнуть. <...> Что было правдой, / Возможно, знают только солнце и луна»). Со временем заполнение пробелов новыми исследованиями историков, археологов, культурологов позволили расширить представления писателя о прошлом своего народа, дали осознание того, что настоящее связано с опытом прошлого. В стихотворении «*Темдектер*» («Следы», 1984 г.) лирического героя явно огорчает высокомерное отношение к своему народу: «*Кийик дешти. Көргөйис, / Кемибис кийик болбогой? / Бистинг жылдызыс күйерде, / Сенийи чыкпа-*

³¹ Адаров А. О. Тоньюкук (поэма). Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1971. С. 142-143.

³² Там же, с. 143.

³³ Белеков И. И. Сокровенно слово древними корнями // Эрјине сөс = Сокровенное слово. Горно-Алтайск: Алтай Телекей – Мир Алтая, 2005. С. 4–5.

³⁴ Адаров А. О. Улуска айткан сөзим: үлгерлер. Горно-Алтайск: Алтайдын бичиктер чыгарар издательствонун Туулу Алтайдагы бөлүгү, 1981. С. 77.

ган туш болбой!»³⁵ («Говорят, что мы дикие. Посмотрим, / Кто из нас дик. / Когда горела наша звезда, / Твоей еще даже не было на свете!»). Обращение к славному прошлому древнего населения Алтая, следы которого остались по всей территории современного Алтая, словно позволяло увереннее отстаивать свое место в настоящем: «Куу тонду гундарын / Бис болгоныс ундыба. / Скифтердин бис калдыгы – / Истерис алтай корымда»³⁶ («Гунны в белых одеяниях, / Помни, это были мы. / Потомки скифов мы – / Следы остались на камнях»). В этом стихотворении упоминается Тонйукук, мудрец, который оставил письма для потомков тюрков: «Тонгкүйүк деп ойгорыс / Тоолоп та нени жартады. / Көк түрктөр эрмеги / Көксиме канайып жарады? / Төлөс, тодош улус деп, Төрбөлүде мында бичилген. Алтай улустын уйазы Айса мынанг истелген?»³⁷ («Наш мудрец Тонйукук / Перечислял и объяснял. / Слова синих тюрков / Как они проникли в мою душу? / Что были Телесы, тодоши – / В Торболди написано. / Алтайский народ, возможно, отсюда пошел?»). В 1988 году в стихотворении «Алтайдын таитары» («Камни Алтая») выкристаллизовывается заложенная в предыдущем сборнике поэта мысль о важности документации истории для будущих потомков: «Кайада сөстөр бичилген, / Кандый кижси кереези? / Келер өйлөргө жетирген, / Байла, онын нерези»³⁸ («На скале высечены слова. / Чья эта память? / Будущему поколению посланная. / Может быть, в этом его подвиг»).

1990-е гг. в Республике Алтай – одновременно тревожный и вдохновляющий период, несмотря на социально-экономическое положение, характеризующееся резким ростом бедности и безработицы, в регионе кипела бурная политическая, общественная, культурная жизнь. А. О. Адаров, к этому моменту высокопрофессиональный, состоявшийся писатель, активно участвовал в осмыслении происходивших процессов и пополнял алтайский литературный фонд новыми произведениями, связанными с историей алтайского народа. Также важным событием для алтайской литературы (и не только) было появление нового жанра – венки сонетов, представленных А. О. Адаровым в сборнике «Сүүштинг куулары» («Лебеди любви», 1997 г.). По мнению литературоведа Р. А. Палкиной: «Венки сонетов как циклический и синтетический жанр позволили А. Адарову наиболее спрессовано и полно выразить свое видение происходящих в этот период вокруг сложных, противоречивых и драматических процессов и явлений» [Палкина

³⁵ Адаров А. О. Ыргүлжи сүүштинг сызы: үлгерлер. Горно-Алтайск: Алтайдын бичиктер чыгарар издательствозынын Туулу Алтайдагы бөлүги, 1984. С. 95.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же, с. 96.

³⁸ Адаров А. О. Жанарым менин канадым: үлгерлер. Горно-Алтайск: Алтайдын бичиктер чыгарар издательствозынын Туулу Алтайдагы бөлүги, 1988. С. 38.

2004, с. 451]. Древнетюркская тематика для писателя вновь становится опорной точкой для размышлений о настоящем и будущем своего народа. В цикле «*Күл-тегинниң көлөткөзи*» («Тень Кюль-тегина») автор обращается к одному из самых ярких и легендарных фигур в истории тюркских народов – Кюль-тегину, военному предводителю, брату правителя Второго тюркского каганата в VII–VIII вв. Бильге-кагана. Если в поэме «Тоньюкук» (1971 г.) литературный персонаж Кюль-тегин находился на втором плане, то в данном сонете и в дальнейших произведениях А. Адарова Кюль-тегин выступает как центральный и излюбленный персонаж в историко-философских размышлениях о судьбе алтайского народа, олицетворяющий мудрость, силу и единство тюркских народов. Главным действующим лицом в венках сонетов, «объединяющим воедино все компоненты синтетического целого произведения, является образ поэта, стремящегося постичь тайны бытия, обрести твердую почву под ногами в поисках опоры, силы и мудрости» [Палкина 2004, с. 453]. По сюжету поздним вечером Поэту явился Кюль-тегин. Его монолог о павшей из-за ошибок знати и внутренних распрей великой тюркской империи и неспособности распознать хитрые уловки сильного врага, на наш взгляд, словно служит предостережением для алтайского народа.

В 2000 г. в литературно-художественном журнале «Эл-Алтай» публикуется историческая трагедия «*Каганаттан ийген самара*» («Письмо с каганата»), которая посвящена тому же историческому периоду и тем же историческим личностям, что и в поэме «Тоньюкук» (1971). Действия в трагедии происходят за десятилетие до событий, описанных в поэме, в 710–718 гг. (в поэме – 717–734 гг.). Может показаться, что данное произведение является предысторией тех событий, о которых идет речь в поэме, однако характер отношений между героями, некоторые повторяющиеся сюжетные линии (отравление Бильге-кагана) или те, которые идут вразрез с сюжетом поэмы 1971 г., приводят к заключению, что это альтернативная история, новая интерпретация о судьбе ханской династии Тюркского каганата, носящая в себе иные цели и замыслы. К тому же в авторской ремарке («К сведению режиссера») к переведённому на русский язык тексту трагедии автором дается другая хронология – 710–735 гг.³⁹, что свидетельствует о независимости данного произведения от поэмы, написанной А. О. Адаровым в 1971 г.

Одним из существенных отличий произведений можно назвать трактовку перехода власти от Капаган-кагана к Бильге-кагану (Могилян). В поэме Могилян становится правителем и получает титульное имя Бильге-каган в результате переворота, который устроил он и его брат Кюль-тегин; а Тоньюкук, советник бывшего кагана, был сослан на Алтай в качестве поли-

³⁹ Эрјине сөс = Сокровенное слово. Горно-Алтайск: Алтай Телекей – Мир Алтая, 2005. С. 367.

тического заключенного. Эта часть является зачином к основному сюжету, сосредоточенному вокруг Тоньюкука, которого возвращают к правительственному стану Бильге-кагана после ссылки, и который в дальнейшем помогает решать политически важные вопросы государства. В трагедии же Кюль-тегин, Могилян, Тоньюкук – единомышленники, патриоты Тюркского каганата – после смерти Капаган-кагана в военном походе – вынуждены устроить дворцовый переворот, чтобы не допустить к престолу его неопытного сына Кичю-кана, предавшего интересы Тюркского каганата в пользу Танской империи. После собрания-*курултай* каганом выбрали Могиляна, получивший титулованное имя Бильге-каган. Переход власти к Могилянцу является развязкой исторической драмы.

В данном произведении, как и в орхонских надписях-памятниках в честь Кюль-тегина и Тоньюкука, ярко проявляется противопоставление тюрков-кочевников и народа табгач (китайцев), где китайский мир изображается чуждым и враждебным, что можно рассмотреть как один из механизмов построения идентичности этноса.

Обращение к одной и той же исторической эпохе, личностям в разное время позволяет увидеть не только эволюцию взглядов писателя в связи с приобретением жизненного опыта, а также позволяет проследить отражение двух разных исторических эпох на взгляды писателя – советской и постсоветской. Характерной исторической ремаркой в произведениях А. Адарова советского и постсоветского периода является пересмотр оценки относительно религиозных вопросов. В поэме 1971 г. мудрыми советниками каганов, политиков являются *айлаткыши* – старики-мудрецы (столетние старики Калта и Ай-Малта), *кайчы* – сказители, чьи фигуры в советский период оказывались вне рамок официальной критики относительно религиозных институций, так как они ассоциировались с народной мудростью, являлись представителями народа. Писатель также включает в художественное пространство произведения религиозные буддийские атрибуты. Тоньюкук относится к ним как забаве, но в то же время и как к источнику ценных знаний: «*Айыл төринде алтын Будда*» («В переднем углу айыла золотой Будда»); «*Бу сүрлер не керек? / Ойын, соот, эрикчел тушта. / Же калын кадарлу Сутра бичикте / Кайкалду шүүлте бар ла база...*»⁴⁰ («Зачем нужны эти лики? / Шутки ради, и в печали. / Но между толстыми переплетами в книге Сутр / Есть удивительные мысли...»). В исторической трагедии верным и мудрым советником каганской семьи выступает Танды – 46-летний шаман (кам) из Тибета,

⁴⁰ Адаров А. О. Тоньюкук (поэма). Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1971. С. 12.

предсказатель, ворожей, колдун и ясновидец («Танды. Төбөттөн келген кам, ырымчы, белгечи, тармачы, көспөкчи кижси. 46 жаштуу»⁴¹).

И в поэме, и в трагедии автор изображает позитивно официальную религию тюрков – тенгрианство. Персонажи часто обращаются к небу со словами: «Көк тенгери кудайым»⁴² («Синее небо Бог мой»); «О көк тенгери! Жердеги биске / Жангыс сенинг быйанын керек»⁴³ («О, синее небо! Нам на земле / Лишь благословение твое нужно»). В орхонских памятниках Тенгри (с др. тюрк. «небо») упоминается как высшее божество, а также здесь упоминаются имена божеств Умай и Ыдук Йер-Су / Јер-суу, а в енисейских памятниках встречается имя божества Нижнего подземного мира Эрклиг-хан / Эрлика, присутствующих и в алтайской религиозно-мифологической картине мира. Как видим, писатель отождествляет религию древних тюрков и современных алтайцев, включая в художественные миры своих произведений такие важнейшие ритуальные предметы в обрядовой сфере современных алтайцев как *арчын*, *тагыл*: «Алтын тагылда арчыннын ыжы / Айыл тўнўгине толголып ууланат. / Көк тенгери зине мўргўп алала, / Көк тўрктер сананган отурат»⁴⁴ («На золотом тагыле можжевеловый дым / Извиваясь, поднимается к дымоходу. / Помолившись синему небу, / Синие тюрки сидят, призадумавшись»). В описании обряда подношения небу, совершаемого Билге-каганом после победы тюрков в бою⁴⁵, тоже много общего с обрядами поклонения Алтаю современных алтайцев.

Концовка драмы положительная – престол достается мудрым, честным, сильным правителям, патриотам тюркской империи, но жанр трагедии, которую определил сам писатель, соответствует не только из-за трагических поворотов в судьбах героев (случайное убийство собственной дочери Тоньюкуком в бою, смерть любимой жены Кюль-тегина от рук предателя Ыргай-тархана), но и шире – из-за дальнейшей трагичной судьбы каганата. Сам писатель к предисловию переведенного произведения пишет: «Исторические события собрать воедино невозможно, тем более они отрывочны. Я хотел показать гибель великой державы, драму отдельных личностей. Тем не менее трагедия современна, если учесть развал великой Российской империи, т. е. Советского Союза. Теперь Россия не империя, а просто большое государ-

⁴¹ Адаров А. О. Каганаттан ийген самара: Трагедия // Эл-Алтай: Балдарга ла жииттерге чўмдемел-кеендик журнал. Горно-Алтайск: Алтай Республиканын «Ўч-Сўмер» бичик чыгартузы, 2000. С. 96.

⁴² Адаров А. О. Тонйукук (поэма). Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1971. С. 16.

⁴³ Там же, с. 84.

⁴⁴ Там же, с. 61.

⁴⁵ Там же, с. 120–121.

ство, раздираемое классовыми, национальными противоречиями»⁴⁶. Через обращение к истории Тюркского каганата писатель задался целью показать не только историческое наследие тюркских народов, но и состояние бывшего Советского Союза.

В 2005 г. А. Адаров выпускает первую книгу антологии алтайской классической литературы под названием «Эрјине сös – Сокровенное слово», в котором собраны произведения автора, касающиеся древнетюркской тематики. Это ранее опубликованные в других сборниках баллады, венки сонетов, поэма «Тонйукук», историческая трагедия «Письмо с каганата», данные в большинстве своем на алтайском и русском языках. Кроме того, в данном сборнике впервые даются переведенные на алтайский язык А. Адаровым тексты орхонских памятников древнетюркской эпохи – памятники в честь Тоньюкука («*Төнүкүкке эзем кереес*»), Кюль-тегина («*Күл-тегинге эзем кереес*») и Билге-кагана («*Орхондо бичик. Билге каган*»). Издание такого сборника свидетельствует о его особом отношении к этому периоду.

В 2009 г. выходит посмертный сборник А. Адарова «*Таш кезер*» («Каменное изваяние»). Здесь наряду с уже опубликованными ранее стихотворениями выходят и новые, написанные им незадолго до смерти. Во многих стихотворениях есть отсылки к эпохе древних тюрков, а образы каменных изваяний и курганов, как и прежде, выступают отправной точкой для размышлений о прошлом, настоящем и будущем алтайского народа: «*Таш көксинде таш жүрек / Та кажсы чакта согулган? / Тамырымда тамчы кан / Та айса оноң таркаган? / Таш эрини ачылбас, / Таш жүреги согулбас. / О, албатым, кандый ас, / Бойын да ол корыбас*»⁴⁷ («В каменной груди каменное сердце / В каком веке оно билось? / В моих венах кровь / Возможно, его кровь? / Каменные уста не откроются, / Каменное сердце не забьется. / О, мой народ, как мало тебя. / Себя не защитит»). Писатель был обеспокоен тем, что выкапывается наследие, оставленное древними народами Алтая, каменные изваяния, из-за чего происходит разрыв связей с предками, также этим объясняется нравственная потерянности современного, нового поколения молодежи, обостряется проблема незнания языка: «*Калыгым кайда? Элим кайда? / Кара корымдар тымык жадат. / Калың жонду кайран төрөлим, / Калак ла дезен, энзиреп калат! / Агаштар жок. Төңөштөр турат, / Суулары жок. Коолдоры артат. / Төрөли жок албаты журтайт, / Тили жок улустар туштайт. / Сананзам, Сайлукемде жүредим, / Эзедип келзем, эмди өйдө эмитирим. / Кезер таштарды уурдап апартыр, / Кереес сөзисти кодо-*

⁴⁶ Эрјине сös = Сокровенное слово. Горно-Алтайск: Алтай Телекей – Мир Алтая, 2005. С. 366.

⁴⁷ Адаров А.О. Таш кезер. Горно-Алтайск: ГУК Лит.-изд. Дом «Алтын-Туу», 2009. С. 9.

рып алыптыр»⁴⁸ («Где мой народ? Где мое государство? / Черные корумы безмятежно лежат. / Моя родина с многочисленным народом, / Опустела! / Деревьев нет. Остались пни. / Рек нет. Остались русла. / Народ без родины обитает, / Встречаются люди без языка. / Кажется, в Сайлюгеме, / Очнувшись, сейчас я в настоящем времени. / Украли каменных кезеров, / Вырвали памятные надписи»). В книгу вошли два венка сонетов, посвященных размышлениям о судьбе алтайского народа, оказавшейся неопределённой в настоящем и будущем в связи с распадом Советского Союза.

Интересны поэтические сравнения брата писателя с древнетюркскими выдающимися деятелями: «*Күл-Тегинниң чырайы / Сеге түйшкен, карындаш. / Канча чактар ажыра / Корып алды күйрең таиш*»⁴⁹ («Черты Кюльтегина / Унаследовал ты, мой брат. / Спустя века / Сохранил коричневый камень»). Писатель мифологизирует свое родство с древними тюркскими деятелями через принадлежность к одному роду – *Төөлөс* / Телесам: «*Кели-Чур! Калганчы түркүт-каган / Төөлөстөр уйазынан ол чыккан. / Кайран Алтайды, калыгын коруган, / Алтайда төгүлген кызыл кан*»⁵⁰ («Кели-Чур! Последний тюрк-каган / Из племени Телес он вышел. / Дорогой Алтай, народ защитил, / На Алтае пролитая красная кровь»). Такого рода стихотворения раскрывают личные переживания писателя, а образы древних тюрков вдохновляют на стойкость и противостояние любым невзгодам: «*Улу Кели-Чур өбөккө-абам чылап / Калжу согушта өштүлөрдү жоткондой чабып, / Аргымак адымнан жыгылгайм. <...> Тонукуйүк тирү, / Топчылар бек. / Оны өлтүрөргө / Ийде-күч керек*»⁵¹ («Как мой предок великий Кели-Чур / В страшном бою, как ураган, сражая своих врагов, / Упаду со своего коня-аргымака. <...> Тоньюкук жив, / Пуговицы на месте. / Чтобы его убить / Нужна огромная сила»).

Заключение

Таким образом, проведенный анализ художественных текстов А. Адарова, касающихся древнетюркской темы, позволяет выделить три ключевых периода в обращении поэта к этой теме.

1. В 1950–1960-е гг. в ранней лирике А. Адарова прошлое изображалось как тёмное, небезопасное время, что соответствовало советской идеологической повестке, согласно которой прошлое коренных народов могло изображаться только в отрицательном ключе.

⁴⁸ Адаров А. О. Таш кезер. Горно-Алтайск: ГУК Лит.-изд. Дом «Алтын-Туу», 2009. С. 26.

⁴⁹ Там же, с. 118.

⁵⁰ Там же, с. 163.

⁵¹ Там же, с. 166–168.

2. С конца 1960-х гг. наблюдается усложнение образов прошлого, поиск и переосмысление исторических знаний о своем народе. Писатель обращается непосредственно к древнетюркскому периоду как части истории алтайского народа. В этот период на взгляды писателя относительно исторического прошлого существенно повлияли труды тюркологов, особенно вдохновил популярный труд Л. Гумилева «Древние тюрки», о чём отмечает сам автор в предисловии к первой в алтайской литературе поэме о знаменитом средневековом государстве древних тюрков. В целом, начиная с 1970-х годов история средневекового государства тюрков прочно вошла в литературный дискурс Горного Алтая.

3. Наконец, 1990–2000-е годы – развал Советского Союза, выделение Горного Алтая в самостоятельный политический субъект – Республику Алтай. В этот период писатель стремится не только понять исторические корни алтайского народа, но и решить актуальные проблемы современности. По мнению исследователей, занимающихся вопросами коллективной, культурной памяти, «сообщества особенно нуждаются в работе памяти в моменты глобальных потрясений или травмирующих событий» [Нечаева 2020, с. 128]. Как видим, сопричастность к славной истории и наследию древних тюрков позволяет обрести художникам слова и их читателям опору в трудные времена время.

Литература:

1. Вопросы развития алтайского языка 1954 – Вопросы развития алтайского языка и литературы: материалы научной конференции 1951 года. Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы. Горно-Алтайск: Горно-Алтайское книжное издательство, 1954. 120 с.
2. Загидуллина 2025 – Загидуллина Д. Ф. Изображение «этнического прошлого» в тюркоязычных советских литературах (1960-е гг.) // Вестник Северо-Восточного федерального университета М.К. Аммосова. 2025. Т. 22, №1. С. 92–106.
3. Киндикова 1999 – Киндикова Н.М. К вопросу об изучении древнетюркской литературы // Алтай и Центральная Азия: культурно-историческая преемственность. Горно-Алтайск, 1999. С. 97–105.
4. Киндикова 2004 – Киндикова Н. М. Взаимодействие культур на уровне диалога культур. // Этнокультурное единство народов Евразии. Материалы международного форума, посвященного Л.Н. Гумилеву. 22–25 июля 2004 года, г. Горно-Алтайск. Горно-Алтайск, 2004. С. 51–58.
5. Киндикова 2008 – Киндикова Н. М. Единение тюркских литератур Сибири // Алтайская литература: проблемы и суждения. Горно-Алтайск: ГУ Книжное издательство «Юч-Сюмер – Белуха» Республики Алтай, 2008. С. 38–44.

6. Мифологический 2021 – Мифологический словарь алтайцев / Институт филологии; составитель Н.Р. Ойноткинова; редакторы: С.В. Исакова, Д.И. Ковалева. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2021. 598 с.
7. Нечаева 2020 – Нечаева А. А. Становление Memory studies как отдельной области знания: основные вопросы и понятия // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2020. №4 (60). С.121–129.
8. Палкина 2004 – Палкина Р. А. Венки сонетов А. Адарова // История алтайской литературы. Кн. 1. Горно-Алтайск: Горно-Алт. респ. тип., 2004. С. 450–468.
9. Романенко 2017 – Романенко М. А. Историческая память в пространстве междисциплинарных исследований // Единство в многообразии: междисциплинарные перспективы гуманитарного знания: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященный 10-летию программы междисциплинарного индивидуального гуманитарного образования ЮФУ (Ростов-на-Дону, 1 декабря 2016 г.). Ростов-на-Дону, Таганрог: Издательство Южно-федерального университета, 2017. С. 190–195.
10. Сеницын 2019 – Сеницын Ф. Л. Советские ученые о судьбе «кочевой цивилизации» (1920-е гг.) // Диалог со временем. 2019. Вып. 67. С. 229–245. [Электронный ресурс]. URL: <https://roii.ru/r/1/67.17> (дата обращения: 5.03.2025).
11. Тютенева 2011 – Тютенева С. П. Природная и социальная среда как факторы сохранения этнической культуры алтайцев: конец XIX – начало XXI веков: диссертация на соискание доктора исторических наук. Москва. 2011. 413 с.

References:

1. "Voprosy razvitiya altayskogo yazyka i literatury: materialy nauchnoy konferentsii 1951 goda" (1954) [Issues of development of the Altai language and literature: materials of the 1951 scientific conference]. Ed. by S. S. Surazakov et al. Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskoe knizhnoe izdatel'stvo, 120 p. (In Russ.).
2. Kindikova, N. M. (1999) "K voprosu ob izuchenii drevneturkskoy literatury" [On the issue of studying Ancient Turkic literature], in *Altay i Tsentral'naya Aziya: kul'turno-istoricheskaya preemstvennost'*. Gorno-Altaysk, pp. 97–105. (In Russ.).
3. Kindikova, N. M. (2004) "Vzaimodeystvie kultur na urovne dialoga kultur" [Interaction of cultures at the level of dialogue of cultures], in *Etnokul'turnoe edinstvo narodov Evrazii. Materialy mezhdunarodnogo foruma, posvyashchenogo L.N. Gumilevu*. Gorno-Altaysk, pp. 51–58. (In Russ.).

4. Kindikova, N. M. (2008) “Edinenie tyurkskikh literatur Sibiri” [The unity of Turkic literatures of Siberia], in *Altayskaya literatura: problemy i suzhdeniya*. Gorno-Altaysk, pp. 38–44. (In Russ.).
5. Nechaeva, A. A. (2020) “Stanovlenie Memory studies kak otdelnoy oblasti znaniya: osnovnye voprosy i ponyatiya” [The formation of Memory studies as a separate field of knowledge: main issues and concepts], *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsialnye nauki*, Vol. 4(60), pp. 121–129. (In Russ.).
6. Oynotkinova, N. R. (2021) *Mifologicheskiy slovar altaytsev* [Mythological dictionary of the Altaians]. Novosibirsk, IPC NGU. (In Russ.).
7. Palkina, R. A. (2004) “Venki sonetov A. Adarova” [Sonnet cycles of A. Adarov], in *Istoriya altayskoy literatury. Kn. 1*. Gorno-Altaysk, Gorno-Alt. resp. tip., pp. 450–468. (In Russ.).
8. Romanenko, M. A. (2017) “Istoricheskaya pamyat v prostranstve mezhdistsiplinarnykh issledovaniy” [Historical memory in the space of interdisciplinary research], in *Edinstvo v mnogobrazii: mezhdistsiplinarnye perspektivy gumanitarnogo znaniya*, Rostov-on-Don and Taganrog, Southern Federal University Press, pp. 190–195. (In Russ.).
9. Sinitsyn, F. L. (2019) “Sovetskie uchenye o sudbe “kochevoy tsivilizatsii” (1920-e gg.)” [Soviet Scholars on the Fate of the “Nomadic Civilization” in the 1920s], in *Dialog so vremenem*, Vol. (67), pp. 229–245. Available at: <https://roii.ru/r/1/67.17> (Accessed: 20 April 2026). (In Russ.).
10. Tyukhteneva, S. P. (2011) *Prirodnaya i sotsialnaya sreda kak faktory sokhraneniya etnicheskoy kultury altaytsev: konets XIX – nachalo XXI vekov* [Natural and social environment as factors for preserving the ethnic culture of the Altaians: late 19th – early 21st centuries]. Doctoral dissertation. Moscow. (In Russ.).
11. Zagidullina, D. F. (2025) “Izobrazhenie “etnicheskogo proshlogo” v tyurkoyazychnykh sovetskikh literaturakh (1960-e gg.)” [Depiction of the “ethnic past” in Turkic-language Soviet literatures (1960s)], *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova*, Vol. 22(1), pp. 92–106. (In Russ.).

Информация об авторе:

Ай-Тана П. Модорова, младший научный сотрудник, Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова, Горно-Алтайск, Россия; 649000, Россия, Горно-Алтайск, ул. Социалистическая, 6.

E-mail: aitanamood@gmail.com

РИНЦ Author ID: 1053346

Information about the author:

Ay-Tana P. Modorova, junior researcher, Scientific Research Institute of Altaistics named after S. S. Surazakov; 649000, 6 Socialisticheskaya str., Gorno-Altaysk, the Republic of Altay, Russia.

E-mail: aitanamood@gmail.com

ORCID: 0009-0009-1871-9973

© Модорова А.-Т. П., 2026